

Чтобы остановиться на постоялом дворе, путникам пришлось сойти с повозки. У Фэн снял с пленников технику обездвиживания, однако первым же делом опутал одно из запястий Чжоу Иня Верёвкой, Сковывающей Душу.

Эта волшебная снасть повиновалась малейшему мысленному приказу хозяина. Пока У Фэн был жив, пленник, привязанный к нему невидимой нитью, не имел ни единого шанса на побег. Впрочем, со стороны всё выглядело вполне буднично: Чжоу Инь просто следовал за У Фэном и Чэнь Чжуню, напоминая обычного юношу, решившего прогуляться в сопровождении старших родственников. Никто из посторонних не заподозрил бы неладного.

У Фэн снял три лучшие комнаты. Себе и Чэнь Чжуню он взял по отдельным покоям, а Чжоу Иня с Чэнь Юаньчжи запер вместе — так их было проще стеречь. Заказывать ужин и беспокоить слуг похитители не стали. В конце концов, все они были практиками, и обычной пилюли бигу хватало, чтобы утолить голод на долгое время.

Чэнь Чжун, к слову, не стал связывать Чэнь Юаньчжи. Он лишь наложил печать, заблокировав её духовные силы, но не лишил свободы движений, в отличие от Чжоу Иня. По правде говоря, какая бы корысть ни вела старейшиной, как бы упрямо дочь ни противилась его воле, он всё же питал к ней отцовские чувства. По пути её заклинали неподвижностью лишь для того, чтобы избежать лишнего шума и не привлечь погоню, а заодно — дать беглянке время остыть и хорошенько поразмыслить, чья забота для неё благо.

— А-Чжи, будь умницей, послушай отца, — проникновенно заговорил старейшина Чэнь. — В Обители Древней Зелени тебя ждёт жизнь куда более сытая и роскошная, чем в Школе Меча Зеркального Моря. Наша прежняя обитель вот-вот вольётся в Секту Высшего Сокровенного, а там нам ходу нет. Нам бы там житья не дали.

Чэнь Юаньчжи долго молчала, не поднимая глаз, а затем тихо спросила:

— Отец, ответь мне только на один вопрос.

— Спрашивай.

— Нефритовый Носорог... ведь это ты его... забрал? — Она едва не произнесла слово «украл», но вовремя осеклась и смягчила упрёк.

Лицо Чэнь Чжуна мгновенно потемнело.

— Кто тебе это наговорил?

— По дороге я случайно подслушала ваш разговор с дядей У, — призналась Чэнь Юаньчжи. —

Вы толковали о какой-то ценности. Да и весь этот путь мы крадёмся, словно воры, дрожа от каждого шороха. Что это, если не Нефритовый Носорог? Неужели ты украл сокровище нашей школы, чтобы выслужиться перед Обителью Древней Зелени?

— Тебе незачем забивать себе голову лишним, — отрезал отец. — Помни одно: я никогда не желал и не пожелаю тебе зла. Этого довольно.

Юная дева прикусила нижнюю губу.

— Отец, молю тебя, верни реликвию! Это же священное сокровище всей нашей школы. Без него старший брат Лу лишится чести и не сможет удержать власть. Если мы повернём назад прямо сейчас, ещё есть шанс всё исправить. Быть может, пропажу до сих пор не заметили, и ты по-прежнему останешься почитаемым старейшиной!

— Милая племянница, твой отец слишком уж тебя разбаловал, раз твоя хорошенькая головка до сих пор забита столь глупыми надеждами, — раздался вкрадчивый голос от дверей.

В комнату неторопливо вошёл У Фэн.

— Раз уж мы решились на этот шаг, обратного пути для нас нет и быть не может. Отец уберёт тебя от грядущих бед и забрал с собой лишь из великой любви, так что прояви почтение и будь ему благодарна.

Чэнь Юаньчжи опустила голову, спрятав лицо в ладонях. С того рокового дня, как весь её привычный мир перевернулся, близкие люди внезапно сделались чужими и пугающими. Особенное отвращение вызывал этот «дядюшка» У. Прежде столь радушный, ласковый и добродушный, ныне он цедил слова сквозь фальшивую улыбку, и в каждой его фразе таилась ядовитая игла, заставлявшая её сердце сжиматься от дурных предчувствий.

Чжоу Инь в это время сидел на грубо сбитом деревянном стуле в углу комнаты. Прикрыв глаза, он безмятежно дремал, будто разыгравшаяся перед ним семейная драма его совершенно не касалась.

Видя, что дочь упорствует в своём неразумии и силится заставить его вернуться на верную погибель, Чэнь Чжун окончательно потерял терпение. По лицу его пробежала тень раздражения, и он злобно бросил:

— Короче говоря, думай что хочешь, но только попробуй выкинуть какую-нибудь глупость — и пеняй на себя. Тогда не надейся на мою отцовскую милость!

С этими словами он круто развернулся и, гневно взмахнув широкими рукавами, покинул комнату.

У Фэн, однако, уходить не спешил. Напротив, он вальяжно опустился на свободное синюжное кресло и расплылся в благодушной, приторной улыбке:

— Племянница, прислушайся к доброму совету старика. С твоей-то редкой красотой прозябать в этой жалкой горной глуши было бы сущим преступлением. Вот доберёмся до Обители Древней Зелени... Знаешь ли, если тебе посчастливится стать наложницей самого Предока Весёлых Бессмертных Лэсянь-лаоцзу, ты будешь купаться в роскоши и почёте. Стоит тебе лишь капризно надуть губки — и любое твоё желание исполнят в тот же миг. Разве это плохая доля?

Девушка испуганно вскинулась, глядя на него широко раскрытыми от ужаса глазами.

— Что... что ты такое говоришь?!

У Фэн лишь многозначительно ухмыльнулся, давая понять, что разговор окончен.

— Сама раскинь умом на досуге. Не стану тебе мешать.

С этими словами он поднялся и покинул комнату, плотно заперев за собой дверь.

Долгое время Чэнь Юаньчжи сидела неподвижно, уставившись в пустоту безумным взглядом. Затем её плечи задрожали, и из груди вырвался тихий, надрывный смешок, больше похожий на сдавленный всхлип. Она плакала и смеялась одновременно.

Подтянув колени к подбородку, она обхватила их руками и уткнулась в них лицом.

— Когда мы жили в горах, — глухо заговорила она в пустоту, не ожидая ответа, — сестры по ордену постоянно завидовали мне за спиной. Шептались, что я родилась под счастливой звездой, что мне всё даётся даром, без изнурительных тренировок и медитаций. И я, глупая, верила им... Но стоило судьбе дать трещину, как иллюзии рассеялись. Оказывается, всё это время самой жалкой дурой была именно я.

Чжоу Инь хранил молчание, но её это не заботило. Ей просто нужно было выговориться, облегчить израненную душу.

— Человек, которого я всю жизнь почитала как отца, оказался мне чужим... Он спас меня лишь для того, чтобы продать в постель старому развратнику Лэсянь-лаоцзу в качестве бесправной игрушки. А ведь я, ленивая девчонка, пренебрегала занятиями, свято веря: случись беда — отец заслонит меня от любых невзгод. Как же нелепо и смешно...

Полагаться нельзя ни на кого — в этом мире опоры можно найти лишь в самом себе. Эту простую и суровую истину Чжоу Инь усвоил ещё в прошлой жизни, когда скитался неприкаянным по дорогам Поднебесной. Чэнь Юаньчжи же с пелёнок росла в тепличных условиях, окружённая заботой и роскошью. Ей пришлось дожидаться момента, когда

безжалостная реальность наотмашь ударит её по лицу, а чужая злая воля распорядится её телом и душой, чтобы осознать очевидное.

Перед лицом выгоды устоит редкий смертный. А если кто-то уверяет, будто чист помыслами и не ведаёт соблазнов, значит, ему просто не предложили достойную цену. Мирские люди жаждут золота, серебра и высоких постов; бессмертные мастера бредят чудодейственными пилюлями, редкими артефактами и запредельным могуществом. Суть их стремлений едина. Будь человек воистину свободен от страстей и желаний, ему незачем было бы вставать на стезю самосовершенствования.

— Что же мне делать? — прошептала она, тоскливо глядя на изящную фарфоровую вазу с узором «сосны и журавли», стоявшую на высоком столике возле окна.

— Становись сильнее, — равнодушно уронил Чжоу Инь.

Когда обретёшь могущество, позволяющее по собственной воле вершить свою судьбу, чужие жизни станут разменной монетой в твоих руках.

Слыша эти слова, Чэнь Юаньчжи растерянно моргнула. Она никак не ожила от своего угрюмого спутника такого ответа.

Но не успела она вымолвить и слова, как деревянная оконная рама прямо за фарфоровой вазой со скрипом приоткрылась.

Казалось, невидимая рука пытается снаружи распахнуть створку, но от нехватки сил двигается рывками — невыносимо медленно и жутко.

Спустя несколько томительных мгновений створка наконец поддалась, явив миру узкую щель шириной в ладонь, и замерла.

Чэнь Юаньчжи затаила дыхание, во все глаза глядя на это странное зрелище. Страх и удивление сковали её тело.

Внезапно из образовавшейся щели показалась серая, толстая, лоснящаяся гусеница. Неуклюже извиваясь, она сантиметр за сантиметром вползала в комнату.

Каждое движение давалось ей с титаническим трудом. Перевалившись через деревянный подоконник, тучное создание с негромким стуком шмякнулось на столешницу и распласталось без движения, замертво задрав лапки.

Чжоу Инь слегка нахмурился, глядя на пришельца.

— И зачем тебя сюда принесло? — тихо спросил он.

Услышав знакомый голос, гусеница мгновенно ожила и уставилась на Чжоу Иня своими влажными, круглыми глазами, полными преданности и безмолвного обожания. Казалось, она хотела высказать ему всё, что наболело на душе.

Она отчаянно закопошилась, сясь подползти поближе к хозяину, но добравшись до края стола и заглянув в бездну, разделявшую её с полом, в ужасе замерла. Её крошечные лапки предательски задрожали.

Чжоу Инь невольно усмехнулся этой нелепой картине.

— Обернись уже в истинный облик, недотёпа, — негромко скомандовал он.

Его тихий тон казался обманчиво строгим, однако маленькое существо мгновенно уловило скрытую ласку, предназначенную лишь ему одному.

Почувствовав прилив сил, серая тушка забавно заизвивалась.

На глазах у изумлённой Чэнь Юаньчжи тельце гусеницы начало стремительно раздуваться и покрываться густым серым пухом. Спустя мгновение на столе уже восседал упитанный, пушистый птенец — неказистый серый цыплёнок с парой лишних крылышек за спиной.

Чэнь Юаньчжи:

— ...

<http://bllate.org/book/18242/1748958>